***

В бой идут не одни старики.
Вдоль заречья по души ребят
На пирОгах из костной муки
Поминальные свечки коптят.

В эти лета слепой молотьбы,
Лета клевера и клеветы
Веки спящих солдат голубы,
Губы спящих солдат золоты.

Видят воины брезг наяву,
Слышат ливневый глиняный гул –
Это старец Паисий во рву
Вдруг по-русски распев затянул.

Диким полозом выгнется бровь,
Преисполнится грохота грудь,
И обдаст богатырская новь
Кровяную жемчужную ртуть.

В бой идут не одни старики:
Сотворив «выпрямительный вздох»,

Встанет мёртвая Русь вопреки,
И в неё да уверует Бог.

LA TENDRESSE

В настоянной нежности чёрном флаконе
Таится и бродит живая вода,
То вся заискрясь чешуёю драконьей,
То тёмно мерцая, как ртуть и слюда.

К ней лилии клонят смолистые чёла,
И в них копошатся тяжёлые пчёлы,
Червлёное золото влаги сосут…
Настоянной нежности полон сосуд.

Но самая тайная томная нота –
Оброненной капли невидимый звон
О воск голубого листа бергамота,
Утопленный в пудру лиловый пион.

Древесные горькие стебли драцены –
Настоянной нежности шлейф драгоценный.
Как жемчуг речной собирают по дну –
Всю нежность земную собрали в одну.

***
Словно сомкнули кулисы –
Тихо здесь впредь и отсель.
Через края перелился
Мглы остужённый кисель.

Взгляд осовелый не застит
Самодовлеющий злак.
Ива закинула снасти
В неизгладимый овраг.

К бездне склонилась упрямо,
Никнет и сеет листом.
Так в оркестровую яму
Тянет в театре пустом.

В ноздри не воздух, а войлок.
Вместо глазеющих сот –
Мглы остужённое пойло
К завтраку осень несёт.

***

Уклончив тайный смысл примет -
Мазками птиц на небосклоне.
А сны видны как на ладони
Сквозь листопада трафарет.

Ещё в полях не убран лён,
Мышиных гнёзд не обнажили...
Но инеем посеребрён
Денной луны рожок двужильный.

Предчувствие коснётся лба
И нитью отлетит паучьей...
Леса стоят, полны беззвучий,
И вин полынных – погреба.

Обречена пастьба в степях,
Волхвует мельница на воздух:
Как птица, тщится сделать взмах
И грезит, что ещё не поздно.

12

Крапивой ошпарены пальцы.
Вдоль диких полынных межей
Летят ко мне братья: двенадцать
Лебяжьих натужили шей.

Упёрлась в подвздошье неволя,
И клонит бессилие ниц.
Все думы – о скудости поля
Для нежных растравленных птиц.

Без устали ткутся обновы
Руками, истёртыми в прах.
Но ведренным утром готовы
Двенадцать крапивных рубах.

Как в сказке, скитальцы надели,
Разъяв чернокнижия сень,
Двенадцать рубах из кудели,
Что носят по нынешний день.

По тропинке

Встрёпанное темя кипариса
Прямо в поднебесье угодило,
Где качается в исцветшей выси
Солнечного дня паникадило.

Ветер сушит горечи и губы,
А драгун-трава сечёт долины.
У косого дачного прируба
Деревяннопёрый куст малины.

Вечерами сбитня золотого
Жду от кропотливого заката.

Всё летит клубок льняного слова
Со ступени наугад куда-то.

По тропинке белой известковой
Я свои зарницы проводила,
И отлился в конскую подкову
Круг перегоревшего светила.

Горицвет

Опоились росой ковыли на могиле,
Дождь отстукал ногой костяной.
Я шепчу тебе в душу: послушай, сквозь гибель
Ты теперь безнаказанно мой.

Ветер тенью знакомой колдует на веки,
Наклонилась подслушивать ель.
Ты со мною совсем, горячо и навеки,
И небес диковатых кудель.

Ты на жалах осок, ты клубишься плющами,
Что мне правды обломок с крестом?
Я тебя не оставлю во мгле, обещаю
Перед каждым упавшим листом.

Камнем облако... Сквозь волокно паутины
Муравьиный шевелится свет.
Без тебя не прожить, не сгореть, не уйти мне,
Солонцом напитав горицвет.